

Кочевнические древности XII–XIV вв. из раскопок Н.И. Веселовского и Ю.А. Кулаковского из фондов Центрального музея Тавриды

Вадим Майко

Институт археологии Крыма РАН

Симферополь, Российская Федерация

Резюме. В статье впервые обобщена информация о всех находках XII–XIV вв., хранящихся в фондах Центрального музея Тавриды, поступивших туда после проведения раскопок курганов в Симферопольском районе, организованных Н.И. Веселовским и Ю.А. Кулаковским в период 1890–1897 гг. Находки периода эпохи бронзы, скифского и сарматского времени неоднократно анализировались в литературе. Материалы средневекового времени, связанные с половецким населением полуострова, никогда не становились предметом пристального внимания. К сожалению, многие предметы сопоставить с конкретным раскопанным погребением сейчас невозможно. Их зарисовки и фотографии во время раскопок и после их окончания не делались. Многие артефакты сохранились фрагментарно. Наиболее ценные вещи из большинства исследованных захоронений были сданы в Императорскую археологическую комиссию и ныне хранятся в Эрмитаже. Тем не менее, предлагаемая публикация позволяет частично восстановить раскопанные комплексы, произвести их приблизительную датировку и наглядно представить полученный в ходе исследований погребальный инвентарь.

Ключевые слова: Таврика; Н.И. Веселовский; Ю.А. Кулаковский; раскопки курганов; 1890–1897 гг.; средневековые погребения; реконструкция комплексов

Для цитирования: Майко В.В. Кочевнические древности XII–XIV вв. из раскопок Н.И. Веселовского и Ю.А. Кулаковского из фондов Центрального музея Тавриды // Крымское историческое обозрение. 2026. Т. 13, № 1. С. 51–69. <https://doi.org/10.22378/kio.2026.1.51-69>

Благодарности: выражаю искреннюю признательность сотрудницам фондов Центрального музея Тавриды Кокчеевой А.А., Пономаренко Г.Д. и главному хранителю музея Майко Н.Б., без помощи которых подготовка данной статьи была бы невозможна.

Nomadic antiquities of the 12th–14th from the excavations of N.I. Veselovsky and Yu.A. Kulakovsky from the funds of Central Museum of Taurida

Vadim Maiko

*Institute of Archeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences
Simferopol, Russian Federation*

Abstract. The article for the first time summarizes information about all finds of the 12th–14th, stored in the funds of Taurida’s Central Museum, received there after the excavations of mounds in the Simferopol region, organized by N.I. Veselovsky and Yu.A. Kulakovsky in the period of 1890–1897. Finds of the Bronze Age, Scythian and Sarmatian times were repeatedly analyzed in the literature. Materials of medieval times related to the Cumans population of the peninsula never became the subject of close attention. Unfortunately, many objects cannot now be compared with a specific excavated burial. Their sketches and photographs during the excavation and after their completion were not made. Many artifacts are fragmentary. The most valuable items from most of the investigated burials were handed over to the Imperial Archaeological Commission and are now stored in the Hermitage. Nevertheless, the proposed publication allows you to partially restore the excavated complexes, make their approximate dating and clearly present the funeral equipment obtained during the research.

Keywords: Taurika; N.I. Veselovsky; Yu.A. Kulakovsky; excavations of mounds; 1890–1897; medieval burials; reconstruction of complexes

For citation: Maiko V.V. Nomadic antiquities of the 12th–14th from the excavations of N.I. Veselovsky and Yu.A. Kulakovsky from the funds of Central Museum of Taurida. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2026, vol. 13, no. 1, pp. 51–69. <https://doi.org/10.22378/kio.2026.1.51-69> (In Russian)

Acknowledgments: I express my sincere gratitude to the employees of the funds of the Taurida’s Central Museum Kokcheeva A.A., Ponomarenko G.D. and the chief curator of the museum Maiko N.B., without whose help the preparation of this article would have been impossible.

Введение. История крымской степи с печенежское и половецкое время всегда интересовали отечественных и зарубежных исследователей. Помимо письменных источников, неоднократно проанализированных, огромное значение имеют источники археологические, база которых неуклонно пополняется. Особенно активно это происходило последнее десятилетие, ко-

гда небывальными по масштабам охранными раскопками были исследованы десятки курганных насыпей, содержащих не менее 30 погребений интересующего нас времени. Обобщение и полная публикация этого большого массива данных позволит значительно продвинуться вперед в решении всех ключевых вопросов истории кочевых тюркских народов Таврики XI–XIV вв. и их взаимоотношения с оседлым населением полуострова и новой волной переселенцев, пришедших в Крым с монголо-татарским войском.

Помимо этих материалов необходимо вспомнить и ту источниковую базу, которой мы располагаем с конца XIX в. Речь идет, конечно же, о раскопках курганов, производившихся на полуострове известными российскими археологами Н.И. Веселовским и Ю.А. Кулаковским в период с 1890 по 1897 гг.

Специалистам очень хорошо известна ситуация с материалами этих исследований. В архиве Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге сохранились отчеты Н.И. Веселовского, положенные в основу тех публикаций, которые сразу по «горячим следам» оперативно находили отражение на страницах Отчетов Императорской археологической комиссии. Что касается крымских раскопок Н.И. Веселовского 1892 и 1895 гг., они практически с одинаковым текстом, иногда, правда, с некоторыми уточнениями, дублировались А.О. Кашпаром в Известиях Таврической ученой архивной комиссии [5, с. 138–150]. В этих трех вариантах текстов описание погребальных сооружений, в том числе средневековых, приведено достаточно подробное, но ни планов погребений, ни их нормальной фотографии, ни, тем более, прорисовок погребального инвентаря, за редким исключением уникальных находок, не приводилось. Трудно обвинять в этом исследователей, ибо такова тогда была методика фиксации раскопанных объектов.

Ввиду длительного периода, прошедшего со времени раскопок, активной антропогенной деятельности и отсутствия четких планов раскопанных курганов с привязкой к надежным долговременным ориентирам, существовала и существует большая дискуссия по поводу локализации этих насыпей. Итоги этой огромной работы были подведены Т.Н. Смекаловой (Рис. 1: 1). Исследовательница на основании упомянутых трех вариантов текстов привела подробные описания всех зафиксированных погребений, а, самое главное, на основании большого количества архивных документов, аргументированно нанесла все раскопанные в период 1890–1897 гг. объекты на современную топографическую основу [13, с. 42–119].

После окончания раскопок наиболее ценные предметы из всех исследованных захоронений, в том числе и средневековых, согласно существовавшему Положению, сдавались, естественно, в Императорскую археологическую комиссию и ныне хранятся в Государственном Эрмитаже. Вещи менее броские и не представлявшие большого экспозиционного интереса

сдавались в местные музеи, что способствовало неизбежному дроблению комплексов. Относительно Крыма это была Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК), весь музейный фонд которой после 1931 г. поступил в Центральный музей Тавриды (ЦМТ), где ныне и хранится. К сожалению, в годы фашистской оккупации вся документация ТУАК погибла, полевые номера и бирки в подавляющем большинстве не сохранились. Таким образом, сопоставить сохранившиеся вещи из этих раскопок с конкретным описанием того или иного комплекса чрезвычайно трудно. Не могла не сказаться и естественная порча металлических изделий, многие из которых изначально сохранились фрагментарно, и, к тому же, так и не подвергались никогда реставрации.

Относительно предметов, связанных с погребениями эпохи бронзы и скифо-сарматского времени, большая работа по их сопоставлению с конкретными захоронениями и реконструкции составов комплексов была начата еще в 1951 г. Т.Н. Троицкой, успешно завершившейся в 1957 г. [14, с. 174–190]. Относительно недавно все предметы указанных археологических периодов, хранящиеся в ЦМТ, были перепроверены и значительно дополнены С.Г. Колтуховым и С.Н. Сенаторовым, а, самое главное, сопоставлены с теми, которые хранятся в Эрмитаже. Выполненная реконструкция комплексов позволила представить их практически полностью [6].

К сожалению, погребальный инвентарь средневековых кочевнических погребений подобным образом еще только предстоит восстановить. Два наиболее ярких предмета были опубликованы А.И. Айбабиным при анализе материальной культуры кочевников полуострова [1, с. 291, табл. 1, 27; с. 292, табл. 2, 7], но эти артефакты составляют только очень небольшую часть всей коллекции. На первом этапе в предлагаемой работе мы попытаемся показать, каким набором предметов мы располагаем на сегодняшний день и как эти вещи можно сопоставить с тем или иным захоронением. Решающее значение имели сохранившиеся в некоторых случаях бирки (Рис. 1: 2, 4). Обратим внимание на бирку, сохранившуюся у одного из височных колец (Рис. 1: 4). На ней четко виден № 41. Вероятно это номер по описи самого Н.И. Веселовского. Видно, что бирки зеленого цвета, составлялись уже в 1949 г. в связи с восстановлением коллекции ТУАК после Великой Отечественной войны. Они также имели большое значение, поскольку соответствующие им вещи в некоторых случаях полностью совпали с теми, которые есть в текстовых описаниях Н.И. Веселовского и Ю.А. Кулаковского.

Методы. При работе с материалами использовались стандартные методы первичного археологического исследования, связанные с историографическими и источниковедческими разработками, осуществлением сравнительного визуального анализа, типологическим сравнением, поиском хронологически совпадающих аналогий.

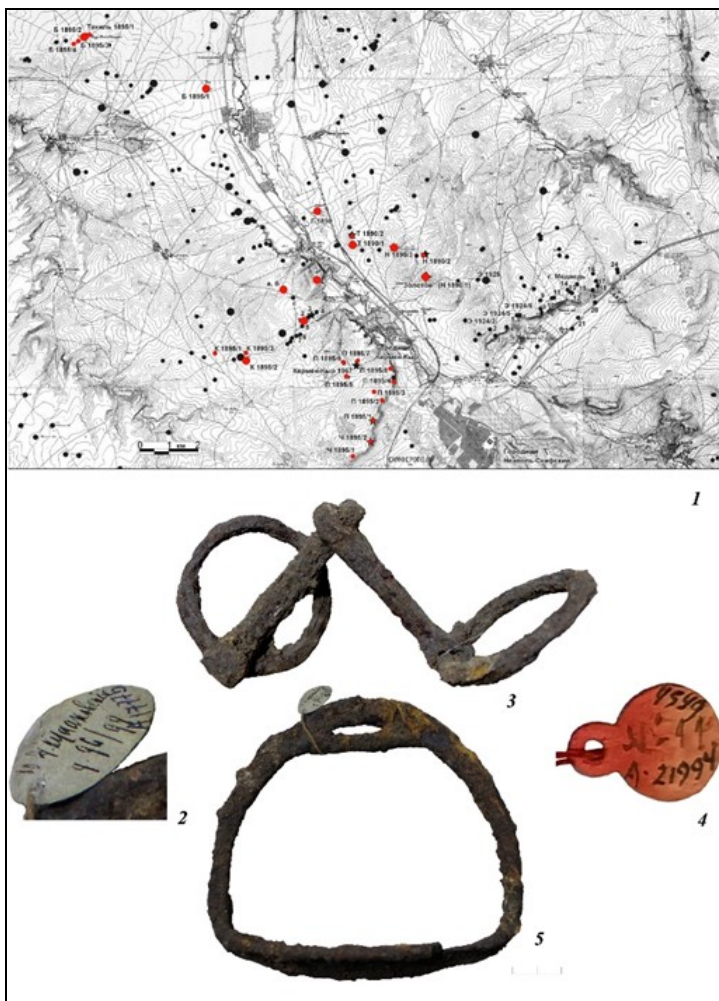

Рис. 1. Месторасположение курганов, раскопанных Н.И. Веселовским и Ю.А. Кулаковским в 1890–1897 гг. и предметы из раскопок Ю.А. Кулаковского.

1 – месторасположение курганов; 2,4 – бирки Ю.А. Кулаковского и Н.И. Веселовского; 3,5 – удаля и стремя из кургана в нижнем течении реки Булганак, раскопки Ю.А. Кулаковского

Fig. 1. The location of the mounds excavated by N.I. Veselovsky and Yu.A. Kulakovsky in 1890–1897 and objects from the excavations of Yu.A. Kulakovsky.

1 – the location of the mounds; 2,4 – tags Yu.A. Kulakovsky and N.I. Veselovsky; 3,5 – removal and stirrup from the mound in lower reaches of Bulganak River, excavations by Yu.A. Kulakovsky

Результаты. На сегодняшний день в основном фонде ЦМТ числится 316 предметов из раскопок Н.И. Веселовского и Ю.А. Кулаковского, из них 54 предмета из раскопок Ю.А. Кулаковского на территории Неаполя Скифского, 1 предмет из раскопок Н.И. Веселовского в Керчи, 6 кремневых изделий (нуклеусов) и еще 10 кремневых предметов, происхождение которых не указано, но, очевидно, это одна и та же коллекция из разведок Н.И. Веселовского неолитической стоянки на Ай-Петри, Балин-Кош, предположительно 1895 г., 2 предмета из разведок Н.И. Веселовского на горе Кош-Коба, 2 этнографических крымскотатарских предмета. Исходя из темы нашей работы, на них нет смысла останавливаться.

Не будем мы останавливаться и на предметах из раскопок Ю.А. Кулаковского 1897 г. четырех курганов в имении Тавель. В фондах ЦМТ из этих раскопок хранится 19 прясел разной формы, 25 бронзовых браслетов, 3 зеркала, 3 накладки на замок, 4 предмета (кольца и пряжка) и еще 17 мелких предметов. Многие из них опубликованы Т.Н. Троицкой [14, с. 174–190]. Средневековое погребение из этой курганной группы, раскопанной в 2002 г. Э.И. Сейдалиевым, введено в научный оборот [12, с. 378–388]. Не будем мы останавливаться и на пяти находках из раскопок Ю.А. Кулаковского кургана Бай-Когенлы (с. Ломоносово, Октябрьского района), а также раскопках Н.И. Веселовского кургана в с. Мангуш. Материалы раскопок этих объектов в фондах ЦМТ пока не обнаружены.

Из раскопок Н.И. Веселовского 1895 г. на землях Черкеса, где было исследовано 2 кургана, ныне в фондах ЦМТ хранятся некоторые вещи из кургана 2 в количестве 23 предметов (8 прясел в связке, значащиеся в отчете В.И. Веселовского в качестве купных глиняных бус), а также фрагмент нижней челюсти с сохранившейся биркой, написанной Н.И. Веселовским, позволяющей точно определить курган. Средневековых находок нет.

Н.И. Веселовским на землях М.Д. Талаевой два кургана были раскопаны в 1890 г., еще четыре, среди которых самый известный, вошедший в науку под названием «талаевский», – в 1891 г., три кургана – в 1892 и один – в 1895 гг. Всего, таким образом, раскопано 10 курганов. В 1892 г. в кургане 1 Дорт-Оба было раскопано богатое печенежское погребение последней четверти X в., являющееся одним из наиболее узнаваемых и эталонных погребений, вещи из которого хранятся в экспозиции ГИМа. Не будем на них останавливаться подробно. В фондах же ЦМТ из этих 10 курганов хранится 12 депаспортизированных предметов эпохи бронзы и скифо-сарматского времени.

Н.И. Веселовским на земле И.О. Пастака в 1892 г. было раскопано семь курганов, находившихся в урочище Дорт-Оба. В 1895 г. было раскопано еще 8 курганов различной локализации, три из них образовывали группу. Всего, таким образом, раскопано 15 курганов. При этом мы будем ориентироваться на то, что все находки с шифром «Курган 1» Т.Н. Троиц-

кой связывались с курганом 1 в урочище Дорт-Оба, раскопанным Н.И. Веселовским в 1892 г. [14, с. 174–190]. Вероятнее всего именно с этим курганом связаны хранящиеся в фондах ЦМТ фрагменты скифской кольчуги и наборного пояса, а также фрагменты от четырех железных мечей и фрагментированные втулки от пяти железных дротиков. Сохранились и фрагменты железной кольчуги из погребения кургана 6. Присутствующие же фрагменты дротика, происходящие из кургана 4, отнести к курганам 1892 или 1895 гг. сложно. Связать с конкретным погребением три фрагментированных меча, фрагменты железного пластинчатого панциря, фрагмент наконечника стрелы и фрагмент фибулы не представляется возможным. Информация не сохранилась. Нет возможности связать с конкретным курганом и, тем более, погребением фрагменты венчиков и донышек пяти лепных горшков скифского времени, а также фрагмент стенки чернолакового сосуда. Помимо этого, из скифо-сарматских погребений этих курганов в коллекции ЦМТ присутствует 6 глиняных прясел в одной связке. Кроме того, сохранилось и четыре горшка из погребений раннего железного века и фрагменты керамики из кургана 4 раскопок 1895 г.

Восемь мелких фрагментов лепных кухонных сосудов из раскопок Н.И. Веселовского, вероятнее всего скифо-сарматского времени, хранящиеся в фондах ЦМТ, сопоставить с конкретными курганами невозможно, они полностью депаспортизированы.

Нас интересуют коллекции, связанные с раскопанными средневековыми погребениями. Как уже отмечалось, к сожалению, за редчайшими исключениями, они так и не систематизированы и практически не введены в научный оборот. Традиционно считается, что они малоинформативны и полностью депаспортизированы. Попытаемся показать, какова же ситуация на самом деле.

Как известно, Н.И. Веселовским на землях А.А. Нестроева в 1890 г. было исследовано 3 кургана, в том числе и знаменитый «Золотой» курган.

Во втором кургане обнаружено средневековое кочевническое погребение – неглубокая впускная могила прямо на материке, вероятно, средневекового времени. При скелете найдены железные предметы: длинный меч-сабля, ручка которого находилась у правого плеча покойного, при сабле были две круглые железные пряжки, у верхней пряжки находился орнаментированный костяной предмет. В головах и ногах находились наконечники копий со втулками и остатками древков, а также наконечники пяти меньших копий. Сохранились волосы покойного – рыжего цвета. На север от него была положена лошадь, обращенная к покойному спиной хребтом. При ней оказались железные стремяна, удила и бронзовый бубенчик [13, с. 105].

С.Г. Колтуховым и С.Н. Сенаторовым приведены документы, которые подтверждают передачу в музей ТУАК средневековых предметов из раскопок этих курганов [6, с. 44]. В настоящий момент в фондах ЦМТ нахо-

дятся две железные круглые пряжки от этой сабли (Рис. 2: 3, 5) и десять фрагментов железных изделий, записанные, как фрагменты втулок от копья. Совершенно очевидно, что два изделия действительно являются втулками от наконечников копий (Рис. 2: 2, 6), а остальные восемь (Рис. 2: 1) ничто иное, как фрагменты той самой сабли, позволяющие ее реконструировать практически полностью. Отметим и сохранившийся железный наконечник ножен сабли (Рис. 2: 4). Совершенно логично предположить, что той же самой.

Наибольшее количество средневековых материалов, хранящихся в фондах ЦМТ, происходит из раскопок Н.И. Веселовского 1895 г. кочевнических погребений в курганах на земле А.И. Пастака. Попытаемся обобщить всю имеющуюся информацию о них.

В кургане 2 1895 г. была зачищена грунтовая могила с погребенным, при котором были обнаружены железная сабля с двумя пряжками, нож, стремени, три наконечника копья, две янтарные бусины и костяная пуговка, между ног скелета деревянное седло с медными заклепками [10, с. 11; 5, с. 141].

В фондах ЦМТ сохранилось шесть предметов, которые, исходя из паспортов 1949 г., сопоставляются с этим погребением. Это три фрагмента стремени (Рис. 2: 7, 11), причем один крупный, позволяющий достаточно уверенно судить о морфологии изделия (Рис. 2: 7), мелкий фрагмент железной сабли (Рис. 2: 9), крайне небольшой фрагмент удила (Рис. 2: 10), не позволяющий судить о их конструкции и железное окончание ножен сабли (Рис. 2: 8).

В кургане 4 1895 г. в центре насыпи была зафиксирована грунтовая гробница, в которой погребенный был перекрыт камнями и деревом. При нем были круглая костяная, орнаментированная циркульным орнаментом пластина, 4 наконечника копий, 3 стержня, железная сабля с тремя кольцами от ножен и пряжка [10, с. 11]. По непонятной причине у А.О. Кашпара описание этого погребения отсутствует, но есть описание погребения эпохи бронзы, не вставленные в текст, опубликованный в Отчете Императорской археологической комиссии, что подтверждают архивные материалы [13, с. 97]. Исходя из паспортов, составленных в 1949 г., с этим погребением сопоставляются фрагменты стремян, присутствующие в фондах ЦМТ, что, исходя из описания погребения, представляется ошибкой.

В кургане 5 1895 г. было раскопано средневековое погребение человека с лошастью. Скелет лошади был неполный, только голова и ноги. Найдены были два железных стремени, удила и остатки деревянного седла. Человеческий скелет лежал уступом ниже, при нем находились: железная сабля, 4 железных наконечника копий, железная пряжка, костяная пластина с отверстиями, костяные накладки на лук, железный нож у пояса [10, с. 11–12, рис. 29; 5, с. 142–143].

Рис. 2. Реконструкция части комплексов кургана 2 на земле А.А. Нестроева 1890 г. и кургана 2 на земле А.И. Пастака 1895 г. из раскопок Н.И. Веселовского.
1–6 – инвентарь средневекового погребения в кургане 2 на земле А.А. Нестроева;
7–11 – инвентарь средневекового погребения в кургане 2 на земле А.И. Пастака

Fig. 2. Reconstruction of part of the complexes of mound 2 on the land of A.A. Nestroev in 1890 and mound 2 on the land of A.I. Pastak in 1895 from the excavations of N.I. Veselovsky.
1–6 – inventory of medieval burial in mound 2 on the land of A.A. Nestroev;
7–11 – inventory of medieval burial in mound 2 on the land of A.I. Pastak

Рис. 3. Реконструкция части комплексов кургана 5 и кургана 7 на земле А.И. Пастака 1895 г. из раскопок Н.И. Веселовского. 1–4 – инвентарь средневекового погребения в кургане 5 на земле А.И. Пастака; 5–7 – инвентарь средневекового погребения в кургане 7 на земле А.И. Пастака

Fig. 3. Reconstruction of part of the complexes of mound 5 and mound 7 on the land of Pastak in 1895 from the excavations of N.I. Veselovsky. 1–4 – inventory of medieval burial in mound 5 on the land of A.I. Pastak; 5–7 – inventory of medieval burial in mound 7 on the land of A.I. Pastak

В фондах ЦМТ присутствует шесть мелких фрагментов от стремян, которые, логичнее всего, сопоставить именно с этим погребением (Рис. 3: 1–4). Полностью сохранившаяся подножка ладьевидной формы, разогнутая в древности (Рис. 3: 4) и довольно крупные фрагменты дужек, позволяю-

щие реконструировать стремя (Рис. 3: 1), дают возможность уверенно говорить о том, что перед нами изделия, которые нет оснований датировать ранее середины XIII в.

В кургане 6 также было зафиксировано средневековое впускное погребение с лошадьё. При лошади были обнаружены 2 стремени, куски кожи с бронзовыми заклепками от сбруи и 2 костяные пуговицы-подвески. У погребенного, расположенного ниже, находились костяная полоска с дырочками и костяной наконечник стрелы, у головы железная кольчуга и раздавленный стеклянный сосуд, у пояса железная пряжка и бронзовая пуговица, с левой стороны железная сабля, железный раздвоенный наконечник копья и железный нож [10, с. 12–13]. У А.О. Кашпара при описании погребального инвентаря при конском скелете упоминание о кусках кожи с бронзовыми заклепками отсутствует, но есть сведения о погребенном, связанном непосредственно с могилой лошади, при котором не было обнаружено погребального инвентаря [5, с. 143]. Архивные материалы свидетельствуют о наличии все же возле погребения лошади фрагментов кожи с бронзовыми заклепками [3, Л. 38] при полном отсутствии погребений скифского времени, с которыми эту находку логичнее было бы связать. Напомним, что типологически близкие, но железные скобы были обнаружены в скифском погребении Талаевского кургана 1891 г. [6, рис. 35, 2].

В фондах ЦМТ с этим погребением, исходя из составленного в послевоенное время паспорта, точно сопоставляются фрагменты подобного изделия. Данный предмет состоит из переплетенных между собой прямоугольных кусков кожи с горизонтальным надрезом, образующим два хлястика для этого переплетения (Рис 4: 2в). Помимо этого, эти куски скреплены бронзовыми заклепками двух типов, в виде загнутой проволоки (Рис. 4: 2б) и собственно с заклепками в виде пластинок с противоположной стороны (Рис. 4: 2а). Аналогий этим фрагментам сбруи среди кочевнических погребений Таврики XI–XIII вв. нам пока найти не удалось. Близкая аналогия известна в синхронном погребении коня в кургане могильника Чайка на Северном Кавказе [2, с. 197, рис. 33]. Не исключено, что именно с этим погребением связаны и шесть фрагментов кольчуги (Рис. 4: 1). По крайней мере известно, что они точно происходят из раскопок средневековых погребений 1895 г., но только в этом захоронении этот предмет защитного вооружения упоминается в описании Н.И. Веселовского и А.О. Кашпара.

В кургане 7 также отмечено еще одно средневековое впускное погребение с лошадьё. При лошади были зачищены части железных удил, 8 бронзовых бляшек, бронзовый бубенчик, 12 проволочных бронзовых скобочек, стеклянная бусина и 2 железных стремени. При человеческом костяке кремень, проволочный браслет, бусы и в ногах горшок. Рядом находилась деревянная палка и 2 костяных стержня [10, с. 13; 5, с. 143–144].

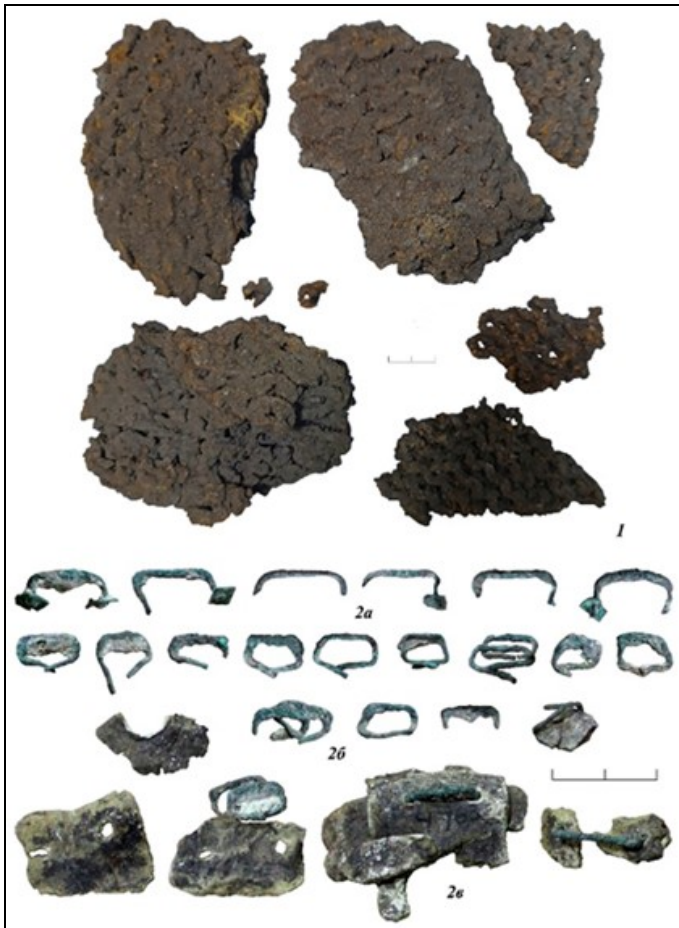

Рис. 4. Реконструкция части комплекса кургана 6 на земле А.И. Пастака 1895 г. из раскопок Н.И. Веселовского

Fig. 4. Reconstruction of part of the complex of mound 6 on the land of A.I. Pastak 1895 from the excavations of N.I. Veselovsky

В фондах ЦМТ, исходя из описания погребения и сохранившейся маркировки, нанесенной на сосуд в 1949 г., с курганом 7 сопоставляется гончарный кухонный горшок (Рис. 3: б). Он уже становился предметом специального рассмотрения [8, с. 115–125], что избавляет от повторений. Напомним только, что особенностью этого тонкостенного горшка является не только шаровидное тулово и плоский резко отогнутый венчик, не предполагающий наличия шейки, но и орнамент в виде трехрядной волны. Самая нижняя из них прерывистая, заканчивающаяся крупным многорядным

завитком, выполненным, вероятно, гребенкой. В Крыму на сегодняшний день вырисовывается целая группа данной керамики, встреченной в составе погребального инвентаря кочевников. На одном из них, происходящем из богатого погребения у с. Мартыновка, присутствует клеймо. Исходя из морфологии, технологических и орнаментальных особенностей, эти сосуды логичнее всего сопоставить с гончарной кухонной посудой, производившейся в провинциально-византийских городах юго-западного Крыма. Наибольшая коллекция известна сейчас из раскопок городища Бакла.

С погребальным инвентарем средневекового же захоронения в кургане 7, помимо горшка, удалось точно соотнести пока только два стремена. Согласно уточнению А.О. Кашпара [5, с. 143–144], действительно, одно целое поломанное и деформированное (Рис. 3: 7), а одно фрагментированное, но позволяющее судить о морфологии изделия (Рис. 3: 5). Данный хорошо известный тип стремян датируется достаточно уверенно, но, к сожалению, в широких хронологических рамках второй половины XIII в.

Остальные предметы из раскопок Н.И. Веселовского курганов на земле А.И. Пастака по курганам не расписаны, и точное их сопоставление с конкретным курганным сооружением и конкретной могилой все еще до конца не установлено. Нельзя, к сожалению, исключить, что происходят они из раскопок курганов, производившихся исследователем и на других землях.

Рассмотрим подробнее, что же это за предметы. Наибольшим количеством предметов представлены стремена и удила. В коллекции присутствует пять фрагментов подножек и дужек от стремян (Рис. 5: 11). Не исключено, что некоторые из них могут относиться к одному предмету. К сожалению, их небольшие размеры с трудом позволяют судить о конструкции. Единственное, что можно сказать, вероятнее всего, перед нами достаточно поздние экземпляры, которые нельзя датировать ранее первой половины XIII в.

От удил сохранились десять фрагментов. Два экземпляра позволяют полностью восстановить изделие, представляющее собой два скрепленных очень коротких грызла с небольшими подвижными кольцами (Рис. 5: 4, 7). Типологически наиболее близкие экземпляры хорошо известны по раскопкам черноклобуцких древностей в Поросье [11, с. 8, рис. 1, 14; с. 60, табл. 12, 4]. В пяти случаях (Рис. 5: 1, 3, 5, 8) фрагменты представляют собой перекрестья двух частей этого предмета конской сбруи, что позволяет говорить о наличии не менее, чем шести удил. Несмотря на сильную фрагментированность, судя по всему, перед нами простые экземпляры без псалиев, которые можно датировать не ранее первой половины XIII в. Отметим и два фрагмента железных изделий, которые, судя по всему, есть основания атрибутировать, как шпоры (Рис. 5: 2, 6). Этот атрибут конского снаряжения не раз становился предметом специальных исследований. В част-

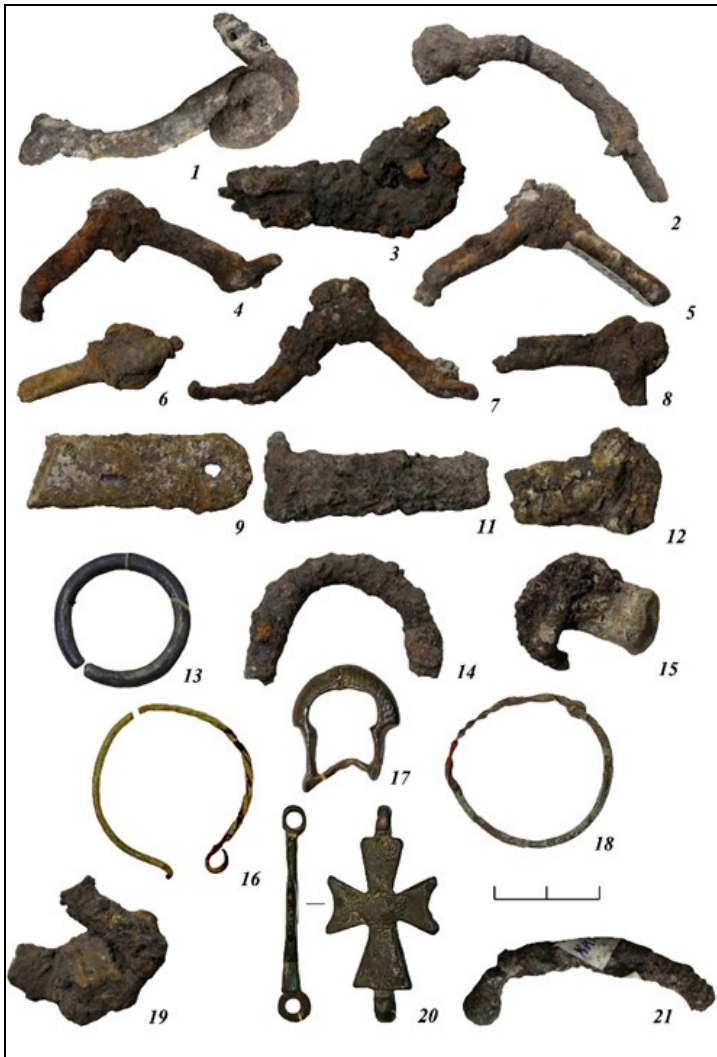

Рис. 5. Предметы печенежского и половецкого времени из раскопок 1895 г. Н.И. Веселовского курганов на земле А.И. Пастака и кургана на земле С. Крыма. 1–20 – предметы из средневековых погребений курганов на земле А.И. Пастака; 21 – железная шпора из средневекового погребения в кургане 2 на земле С. Крыма

Fig. 5. Objects of Cuman time from the excavations of 1895 N.I. Veselovsky mounds on the land of A.I. Pastak and the mound on the land of S. Krym. 1–20 – objects from medieval burials mounds on the land of A.I. Pastak; 21 – an iron spur from a medieval burial in mound 2 on the land of S. Krym

ности, близкие экземпляры отмечены при раскопках кочевнических погребений степного Предкавказья [16, с. 96, рис. 2]. Следует упомянуть и три фрагмента сбруйных колец, из которых два железных (Рис. 5: 14), а одно небольшое бронзовое полностью сохранившееся (Рис 5: 13). В коллекции присутствуют и четыре сильно фрагментированные предметы неясного назначения, вероятнее всего, связанные с конской упряжью.

Из предметов вооружения отметим достаточно уверенно, несмотря на фрагментарность, выделяемые накладки на колчан (Рис. 5: 9, 12) и круглую небольшую железную пряжку, вероятнее всего, от ножен сабли (Рис. 5: 19).

К украшениям и элементам костюма отнесем железное кольцо, сохранившееся вместе с фалангой пальца, что снимает вопросы о функциональном назначении предмета (Рис. 5: 15). Важна и полностью сохранившаяся бронзовая пряжка с утерянным в древности язычком (Рис. 5: 17). Она принадлежит к хорошо известной категории лировидная пряжка без приемника с овальной заостренной на конце рамкой, с насечками на лицевой стороне, переходящей в прямоугольную рамку с уплощенными боковыми сторонами. Достаточно давно они выделены Г.А. Федоровым-Давыдовым в тип А-1. Автор привел многочисленные их аналогии и в древнерусских памятниках, и в памятниках средневековых кочевников [15, с. 43, рис. 7, А1], но, к сожалению, широкого хронологического диапазона XII–XIV вв. Представляют интерес и бронзовые височные кольца, половина которых витая с крупным ярко выраженным замочком для застегивания (Рис. 5: 16, 18). В Таврике типологически близкие серьги, также частично витые, известны в погребальном инвентаре некрополя Судак-II, где, исходя из археологического контекста, датируются второй половиной XII в. [7, с. 433, рис. 165, 8].

В составе погребального инвентаря из раскопок курганов на земле А.И. Пастака есть и небольшой крест с раздвоенными на краях боковыми лучами, соединяющий цепь хороса (Рис. 5: 20). В составе погребального инвентаря крымских курганов средневековых кочевников кресты не отмечены. Не упоминаются находки крестов во всех погребениях номадов XII–XIV вв., раскопанных Н.И. Веселовским и Ю.А. Кулаковским. Вряд ли они пропустили бы такую важную составляющую погребального инвентаря. Можно теоретически предположить, что этот крест может происходить из курганов, раскопанных Н.И. Веселовским на территории Кубани. Во всяком случае в 1895 г. в кургане 5 близ Анапы такой крест вместе с цепочкой был найден в урновом трупосожжении и отмечен автором раскопок не только в виде подробного описания, но и фотографии [ОАК за 1895 г., 1897, с. 27, 135–137]. Упоминалась эта находка и в современных публикациях [9, с. 113]. Тем не менее, причину нахождения среди погребального инвентаря кочевников Таврики подобного креста еще предстоит выяснить.

К сожалению, нет возможности не только связать с конкретным курганом и погребением, но и атрибутировать очень сильно фрагментированные железные изделия. Таких в коллекции Н.И. Веселовского насчитывается девять экземпляров. Ясно только, что они происходят из раскопок курганов на землях Пастака 1892 и 1895 гг.

Специалистам хорошо известно, что помимо раскопок на земле А.Т. Пастака Н.И. Веселовским в 1895 г. было раскопано и три кургана на земле С.А. Крыма.

В фондах ЦМТ сохранились фрагменты скифского панциря из кургана 1. Относительно средневековых погребений напомним, что в южную полу кургана 1 было впущено погребение, находящееся на глубине 1 м от материка, длиной 2,1 м шириной 1,6 м и глубиной 1,24 м. Могила была ограблена. Внутри могилы находились человеческие кости и кости лошади с железными удилами с прямой дужкой. В кургане 2 отмечено также разрушенное средневековое погребение, от которого сохранились пара железных стремян, железные удила, части железного копья и обломки железной сабли.

Из всех этих находок в фондах ЦМТ хранится только один небольшой фрагмент железного предмета средневекового времени, который, благодаря сохранившемуся паспорту, уверенно связывается именно с курганом 2. Не исключено, что это фрагмент железных шпор (Рис. 5: 21).

В том же 1895 г. Н.И. Веселовским на земле Э.Б. Бобовича и Такильской сельской общины были раскопаны 4 кургана.

В кургане 1 во впускной могиле, находящейся с северо-западной стороны насыпи, на глубине 2,1 м было обнаружено захоронение всадника с лошадьёю. Инвентарь этого разрушенного захоронения состоял из разбитого «черного горшка с узорами», железных удил, пряжки и наконечника копья. Еще одно впускное захоронение обнаружено ближе к северной кромке кургана, оно представляло собой выдолбленное из большого ствола корыто. Здесь был найден кремневый скребок.

Ныне в фондах ЦМТ хранится только 6 предметов из этих раскопок, причем пять из раскопок кургана на землях Такильской общины, в том числе два фрагментированных, но археологически целых меча. Средневековые находки отсутствуют.

В богатом на раскопки курганов 1895 г. исследования в Крыму проводил и Ю.А. Кулаковский. В частности, им были исследованы 4 насыпи в нижнем течении Булганака, Альмы, Качи и Бельбека. В кургане 2 было зачищено погребение, в котором костяк был ориентирован головой на восток. В составе погребального инвентаря была отмечена костяная пластина с орнаментом, 2 железных наконечника стрел, железный нож и железная сабля. В насыпи кургана железное стремя, связанное с потревоженным ко-

стяком. Еще с одним потревоженным костяком связана находка железных удил.

В фондах ЦМТ хранится 6 предметов из этих раскопок, один происходит из центральной гробницы кургана 3, остальные, к большому сожалению, депаспортизированны. С отмеченными средневековыми погребениями в кургане 2 уверенно связываются железные удила и стремя хорошей сохранности (Рис. 1: 3, 5).

Обсуждение. Таким образом, мы рассмотрели коллекцию предметов из средневековых кочевнических погребений, раскопанных Н.И. Веселовским и Ю.А. Кулаковским в Крыму в 1890–1897 гг. К большому сожалению, большинство комплексов восстановить пока не удалось. Документация, хранящаяся в ЦМТ, не позволяет этого сделать. Тем не менее, теперь мы ясно представляем ту источниковую базу, которой мы располагаем. Исходя из невозможности полной реконструкции комплексов, трудно говорить конкретно и об их хронологии. Несмотря на сильную фрагментарность большинства изделий, в данной коллекции есть несколько предметов, хронология которых, благодаря современным разработкам, устанавливается достаточно четко. Это, прежде всего, железные арочные стремяна с расплющенной верхней частью дужки, относимые к типу IV-1, IV-3 и IV-4 согласно типологии Е.А. Армарчук и датируемые, все же, первой половиной – серединой XIII в. Их типологические схемы и хронологические разработки постоянно находятся в сфере интересов исследователей, что избавляет от повторений. Относительно недавно проанализирована и взаимосвязь наиболее полных типологий стремян средневекового населения Евразии, в том числе и в интересующее нас время [4, с. 48, рис. 5]. Подводя предварительные итоги, отметим, что первый этап работы в принципе выполнен. Для дальнейшего продвижения вперед надо сопоставить эти вещи с теми, которые есть в коллекции Государственного Эрмитажа. Тогда средневековые кочевнические материалы, полученные в ходе раскопок крымских курганов Н.И. Веселовским и Ю.А. Кулаковским в 1890–1897 гг., можно будет представить в полном объеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. по археологическим свидетельствам // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 277–306.
2. Армарчук Е.А. Конское снаряжение из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М.: ИА РАН, 2006. 227 с.
3. Веселовский Н.И. Раскопки в Крыму 1895 года // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1895. Д. 93. Л. 33–89.
4. Дубинец О.В. Методические проблемы исследования средневековых стремян // Степи Европы в эпоху средневековья. 2012. Т. 10. С. 37–52.

5. Кашпар А.О. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные проф. Н. И. Веселовским в 1895 г. // ИТУАК. 1896. № 24. С. 138–150.
6. Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Скифы Предгорного Крыма в VII–IV вв. до н.э. Курганы 1890–1892 и 1895 гг.: (По материалам Н.И. Веселовского и Ю.А. Кулаковского). Симферополь, 2016. 288 с.
7. Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев: Видавель Олех Філюк, 2014. 467 с.
8. Майко В.В. Возвращаясь к керамике в погребальных памятниках кочевников Таврики // Terra tatarica: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время. Материалы научной конференции. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. С. 115–125.
9. Новичихин А.М. Н.И. Веселовский – археолог и историк Анапы // Таврические студии. 2020. № 22. С. 111–118.
10. Отчет Императорской археологической комиссии за 1895 год. СПб., 1897. 202 с.
11. Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков. М.: Наука, 1973. 96 с. / САИ. Вып. Е1-19.
12. Сейдалиев Э.И. Средневековое погребение из Тавельского кургана № 5 у с. Краснолесье // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 378–388.
13. Смекалова Т.Н. Курганы в ландшафте Северного Причерноморья // Боспорские исследования. 2009. Вып. XXI. С. 42–119.
14. Троицкая Т.Н. Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее // История и археология древнего Крыма. Киев: АН УССР, 1957. С. 174–190.
15. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: МГУ, 1966. 275 с.
16. Чхаидзе В.Н. Шпоры в погребениях средневековых кочевников степного Предкавказья // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 90–98.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Cities and steppes of Crimea in the 13th–14th. According to archaeological evidence. *Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. 2003, vol. X, pp. 277–306. (In Russian)
2. Armarchuk E.A. Horse equipment from the burial grounds of the North-Eastern Black Sea region of the 10th–13th. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2006. 227 p. (In Russian)
3. Veselovsky N.I. Excavations in the Crimea in 1895. *Scientific Archive of Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*. Fund 1. 1895. File 93. Sheet 33–89. (In Russian)
4. Dubinets O.V. Methodical problems of the study of medieval stirrups. *Steppes of Europe in the Middle Ages*. 2012, vol. 10, pp. 37–52. (In Russian)
5. Kashpar A.O. Excavations of mounds in the vicinity of Simferopol, made by prof. N.I. Veselovsky in 1895. *News of the Tauride Scientific Archival Commission*. 1896, no. 24, pp. 138–150. (In Russian)

6. Koltukhov S.G., Senators S.N. Scythians of the Crimean foothills in the 7th – 4th BC. Mounds of 1890–1892 and 1895: (Based on materials of N. I. Veselovsky and Yu. A. Kulakovsky). Simferopol, 2016. 288 p. (In Russian)

7. Maiko V.V. Eastern Crimea in the second half of the 10th–12th. Kyiv: Vidavets Oleg Filyuk, 2014. 467 p. (In Russian)

8. Maiko V.V. Returning to ceramics in the funerary monuments of the nomads of Tavrika. *Terra tatarica: Crimea and the Turkic world in the Middle Ages and in the modern times. Scientific conference materials*. Simferopol: IT “ARIAL”, 2023, pp. 115–125. (In Russian)

9. Novichikhin A.M. N.I. Veselovsky – archaeologist and historian of Anapa. *Tavricheskie studii = Tauride Studios*. 2020, no. 22, pp. 111–118. (In Russian)

10. Report of the Imperial Archaeological Commission for 1895. St. Petersburg, 1897, 202 p. (In Russian)

11. Pletneva S.A. Antiquities of Black Hoods. Moscow: Nauka Publishing House, 1973. 96 p. Code of archaeological sources, vol. E1-19. (In Russian)

12. Seydaliyev E.I. Medieval burial from the Tavel mound no. 5 near the village of Krasnolesye. *Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. 2009, vol. XV, pp. 378–388. (In Russian)

13. Smekalova T.N. Mounds in the landscape of the Northern Black Sea region. *Bosporus studies*. 2009, vol. XXI, pp. 42–119. (In Russian)

14. Troitskaia T.N. Finds from the Scythian mounds of Crimea, stored in the regional museum of local lore. *History and archeology of ancient Crimea*. Kyiv: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, 1957, pp. 174–190. (In Russian)

15. Fedorov-Davydov G.A. Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde khans. Archaeological sites. Moscow: Moscow State University Publ., 1966, 275 p. (In Russian)

16. Chkhaidze V.N. Spurs in the burials of medieval nomads of the steppe Ciscaucasia. *Archeology of the Eurasian steppes*. 2017, no. 5, pp. 90–98. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вадим Владиславович Майко – доктор исторических наук, директор, Институт археологии Крыма РАН (295007, пр. Академика Вернадского, 2, Симферополь, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-1065-4836. E-mail: vadimmaiko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Maiko – Dr. Sci. (History), Director, Institute of Archeology of Crimea, Russian Academy of Sciences (2, Academician Vernadsky Avenue, Simferopol 295007, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-1065-4836. E-mail: vadimmaiko@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 20.01.2026

Принята к публикации / Accepted 16.03.2026